

## И. Смоктуновский. Из фашистского плена - в американскую тюрьму

На одном из спектаклей ему крикнули из зала: "Громче!" А он отвернулся от публики и стал говорить еще тише. Однажды он почти сошел с ума. Суламифь, жена актера, как-то поймала его раздетым, когда он вышел из дома и побежал к трамваю.

ДЛЯ миллионов зрителей Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ был и остается выдающимся актером, создавшим образы Гамлета, Мышкина, Чайковского. Народный артист СССР, Герой Соцтруда, вся грудь в орденах и медалях, любимец властей, при жизни признанный великим... Но только близкие знали, каким на самом деле был Кеша, как Смоктуновского звали друзья.

А был Иннокентий Михайлович весьма и весьма непростым человеком, который всю свою, увы, недолгую жизнь прожил в страхе. Поначалу боялся, что станет известно о том, что он был в плену. "Вообще, Кеша не любил вспоминать о войне, - рассказывает актриса Римма Маркова, ближайшая подруга Смоктуновского. - Он ведь чудом бежал из плена. Когда их конвоировали, у Кеши, простите за подробность, стало плохо с желудком. И когда он уже был не в силах терпеть, ему и еще одному пленному разрешили по нужде выйти из строя. Смоктуновский до конца жизни с благодарностью вспоминал этого солдата, который жестом показал ему оставаться под мостом, а сам взял и скатился на спине по снегу, смазав их следы. Так отсутствия Смоктуновского никто и не заметил. А он чуть ли не сутки просидел в сугробе, а потом пробрался в близлежащую деревеньку. Его пустила к себе какая-то женщина, не испугалась. Кеша рассказывал, что когда он, лежа на кровати, посмотрел в висящее напротив зеркало, то увидел пустую кровать - настолько он отощал".

"Ты не бездарный, а просто дурак"

НУ А ПОТОМ был партизанский отряд, медаль "За отвагу" и празднование Великой Победы в звании старшего сержанта. И все равно страх быть арестованным не покидал Смоктуновского. И он делает две вещи - меняет фамилию Смоктунович, из-за которой его, поляка по национальности, считали евреем, на Смоктуновский и устраивается на работу в Норильский драматический театр. Там и произошла встреча, перевернувшая его жизнь.

Георгий Жженов, увидев талантливого актера, убедил его бросить Норильск и перебраться в Ленинград, к Райкину, рекомендательное письмо к которому Георгий Степанович и написал. Смоктуновский послушал Жженова и уехал из Норильска. Но опять-таки чувство страха не позволило ему отправиться в Ленинград.

"Кеша перебрался в Махачкалу, - продолжает Римма Маркова. - В местном театре я его первый раз и увидела. И тут же загорелась идеей перевезти его в Москву. Я же понимала, какой это актер.

Приехала в Москву и стала хвостом ходить за Софьей Гиацинтовой, рассказывая ей, какого великолепного актера нашла. "Если возьмете его, можете смело полтеатра выкинуть", - говорила я ей. Наконец Гиацинтова согласилась: "Пусть приезжает". Кеша тут же все бросил и приехал.

Когда он пришел на показ в Ленком, я ему подыгрывала. Но места для него не оказалось. Тогда я стала водить его по всем московским театрам. Он, конечно, никаких шедевров особых тогда не выдавал. Помню, Хлестакова показывал, еще какую-то роль из дерьмовой советской пьесы. Обедать я его водила по своим подругам. Все, разумеется, думали, что мы с ним любовники. Иначе чего, мол, я с ним вожусь. А он меня никогда как мужчина не волновал. Во-первых, я блондинов вообще не выношу. А во-вторых, он так похож на моего брата...

Сам Смоктуновский понимал, что намного талантливее многих других актеров. Но был настолько в себе не уверен... Каждый раз, получая приглашение в кино, говорил мне: "Вот сейчас я провалюсь". Как-то прибегает: "Меня вызывает в Ленинград Товстоногов. Он мне предлагает "Идиота". Вот сейчас все и откроется, сейчас все и поймут, что я ноль. Я Мышкина никогда не сыграю. Потому что бездарен".

Как я с ним мучилась! "Ты не бездарен, - говорила, - а просто дурак". Поехал Кеша в Ленинград, начал репетировать. А там вся труппа на дыбы встала: зачем, мол, москвича было приглашать, у нас что, своих актеров нет? И вдруг у Кеши стала получаться роль! Когда уже шли спектакли, он звонил мне: "Ты, корова, когда-нибудь приедешь? Я на каждый спектакль по два билета покупаю, все надеюсь, что ты приедешь". Поехала я. Какая это была высота! У меня от восторга аж зубы зудели, такое потрясение было.

Как-то я оказалась в компании народных-пренародных артистов, которые начали обсуждать игру Смоктуновского в "Царе Федоре Иоанновиче", что шел в Малом театре. "Да какой он актер, - рассуждал один из гостей. - У него только пена изо рта идет". Я не выдержала: "Не знаю, что и откуда у него идет, но только он там, - и показала наверх, - а мы с вами здесь, - и указала в пол".

Но я на него сильно обиделась. Он как-то выступал перед публикой и на вопрос, кто его открыл как актера, взял и ответил: "Софья Владимировна Гиацинтова". Мама моя, когда об этом узнала, не могла поверить. А я его встретила и спросила: "У тебя что, нимб с головы бы упал, если бы ты про меня сказал?"

Мне же от него ничего было не надо. А ему ничего не стоило замолвить за меня словечко перед каким-нибудь режиссером. Он только один раз пришел к маме моей и оставил ей тысячу рублей. Но я об этом узнала годы спустя, иначе бы убила его.

Но я Смоктуновского не осуждаю. Он такой, какой есть. Был. Как-то столкнулись с ним в Доме кино. Он тут же в буфет побежал, купил шесть бутербродов с икрой и принес их мне. "Римма, ешь!" Я не взяла. Что я, нищая, что ли? Сама не могу купить? Да если и не могу, от него не взяла бы.

Потом, когда он книгу написал, то подарил мне ее с надписью: "Сестра моя, если бы не ты, я не знаю, кем бы я стал".

На баррикады не пускала жена

ТО, ЧЕГО Смоктуновский боялся больше всего, произошло с ним в Америке. Народный артист прилетел в Штаты вместе с дочерью на творческие встречи с русской эмиграцией, от которой Смоктуновский в подарок получил игрушечный пистолет, внешне почти не отличимый от настоящего. Из-за этого пистолета и разгорелся скандал.

"Часов в десять вечера у меня раздался телефонный звонок, - рассказывает бизнесмен, живший тогда в Нью-Йорке, Виктор Хроленко. - "В аэропорту Нью-Йорка арестован Смоктуновский", - сказали мне. Я тут же связался с адвокатом, который той же ночью помчался в тюрьму, и к утру Иннокентий Михайлович уже сидел в нашем офисе, свободный и счастливый. Удивительно, что приглашавшая сторона попросту бросила актера на произвол судьбы. Поскольку из-за этого нелепого ареста (по американским законам пистолет-игрушку было необходимо сдать в багаж) Смоктуновскому пришлось на несколько дней задержаться в Штатах, мы много общались. Это был простой, милый человек. Когда мы в офис заказывали на обед пиццу, он с удовольствием присоединялся к нам. Много говорил о политике, о Ельцине. Сетовал, что, если бы не жена, которая не отпускала его в 91-м на баррикады к Белому дому, он бы принял в августовских событиях более активное участие. А еще любил выйти на балкон и, глядя на Мэдисон-авеню, мечтательно говорить, что и в России все обязательно наладится и люди станут жить так же свободно и хорошо".

Спустя несколько месяцев после возвращения из Америки Смоктуновского не стало. Ему было 69 лет...